

Не Гэнлань снова блуждал в лабиринтах кошмара. Сквозь полупрозрачную бамбуковую занавеску до него доносился вкрадчивый голос очередного богатого гостя, расспрашивающего хозяйку борделя: когда же Баосэ наконец начнёт принимать посетителей?

Хозяйка заливалась жеманным смехом, так неистово размахивая надушенным платком, что от этого пёстрого мелькания рябило в глазах.

— О, господин Сюй! Баосэ ещё слишком юн, да и здешним правилам да приличиям толком не обучен. Благодарю за внимание к его скромной персоне. Как только он будет готов, «Зелёный приют» непременно известит вас и других благородных господ!

— Матушка, да ведь Баосэ уже вошёл в нужный возраст. Знатные господа истомились от ожидания, а вы всё тянете!

— Эх ты, глупая девчонка, ничего-то ты не смыслишь в торговле! Если постоянно водить их за нос и подогревать аппетит, у нашего заведения отбоя от клиентов не будет. Впрочем, и затягивать сверх меры нельзя — рано или поздно, а представлять Баосэ публике придётся...

Не Гэнлань резко распахнул глаза и сел на постели. Сердце бешено колотилось, лоб покрылся испариной, а по спине струился холодный пот. Лишь когда он понял, что перед глазами не удушливые розовые шелка «Зелёного приюта», а скромная обстановка его комнаты в Обители Плывающих Облаков, оцепенение начало спадать.

За дверью послышался стук. Это был Юйжун.

— Молодой господин, рассвело. Глава клана велел передать, что сегодня вам надлежит присутствовать на Собрании Чистых Бесед. Извольте подняться и собраться.

Не Гэнлань, бледный как полотно, до боли стиснул зубы.

— Проваливай. Не смей входить.

— Что ж, воля ваша, — отозвался слуга.

Выйдя со двора, Юйжун презрительно сплюнул.

«Ишь, гонор показывает! Едва не окочурился в Ледяном массиве, а всё туда же. Жалкий смертный, ничтожество без капли духовных сил, а строит из себя невесть кого!»

Не Гэнлань с трудом спустил ноги с кровати. Тело казалось чужим, деревянным — последствия наказания в храме предков всё ещё давали о себе знать. Как выяснилось, он пролежал без чувств целый день. Пытаясь справиться с онемением в суставах, он медленно оделся и умылся.

Пропустить Собрание Чистых Бесед он не мог. Из рассказов старца Ваншу он знал, что в мире совершенствования такие встречи — обычное дело. Сильнейшие мастера вели споры о Дао, делились мудростью, и порой прямо во время этих бесед некоторые адепты постигали истину и совершали прорыв, преодолевая небесные невзгоды. Для смертного Гэнланя это был редкий шанс увидеть истинный Мир совершенствования.

Около девяти часов утра Юйжун проводил Не Гэнланя в главный зал поместья.

Вся семья Не уже была в сборе, а среди присутствующих мелькало множество незнакомых лиц — представителей других кланов.

Едва Гэнлань, укутанный в плотную зимнюю накидку, переступил порог, на него устремились взгляды. Выглядел он изнеможённым и болезненным. Близнецы, Не Юньфэй и Не Юньцзинь, тут же скорчили презрительные гримасы. Для них он был жалок — слаб и хрупок, словно цветок сонного покоя, готовый завянуть от первого же сквозняка.

Не Чжунъюань звучно откашлялся, призывая собравшихся к тишине.

— Прежде чем мы начнём наше Собрание, я хочу представить вам своего младшего сына, которого мы недавно вернули в лоно семьи. Из-за роковой ошибки много лет назад наши дети были разлучены, и Гэнлань рос в мире смертных. К счастью, справедливость восторжествовала. Что же касается Юньчжэня, то его кровных родственников уже нет в живых. Отныне они с Гэнланем будут расти как братья...

Глава клана говорил долго и напыщенно. В зале повисла неоднозначная тишина; гости обменивались красноречивыми взглядами.

Гэнлань кожей чувствовал эти взоры: в них мешались любопытство, изумление его редкой красотой, недоумение и откровенное пренебрежение.

Внезапно эту пафосную речь прервал громкий, затяжной зевок.

Не Чжунъюань осёкся на полуслове. Присутствующие дружно повернулись на звук.

— Чжуншань! — раздражённо бросил глава клана, глядя на своего второго брата. — На Собрании Чистых Бесед, в столь торжественный момент, твоё поведение просто непотребно!

Не Чжуншань даже бровью не повёл. Он лениво зевнул ещё раз и широко улыбнулся:

— Старший брат, так это и есть тот самый мальчик, которого ты притащил из мира смертных?

До чего хорош собой! Сразу видно, унаследовал всё лучшее от тебя и невестки. Ладно тебе разглагольствовать, дай племяннику Гэнланю слово молвить. Пусть парень расскажет о себе.

Слова Не Чжуншаня вызвали оживлённый шёпот среди гостей.

Не Чжунъюань нахмурился:

— Ему нечего рассказывать. А тебе, брат, лучше бы приструнить собственных отпрысков, прежде чем совать нос в чужие дела!

Юная дочь Чжуншаня, Не Юньян, возмущённо вскинулась:

— Дядюшка, к чему эти намёки? С чего это мы с братом вдруг стали смутьянами? Вчера отец называл нас своей гордостью и сокровищами!

Одна из старших родственниц не выдержала и прыснула со смеху.

Старший брат Юньяни, Не Юньчжуй, с элегантным щелчком раскрыл веер и картинно обмахнулся.

— Сестрица, дядя, должно быть, просто завидует. Я ведь образец благонравия, прилежания и ума. Отец и матушка души во мне не чают. Какой же я смутьян?

Не Юньян язвительно фыркнула:

— Опять начитался дешёвых пьес из мира смертных? Строишь из себя кислых книжников-учёных. Думаешь, это забавно?

— Ещё как забавно, — усмехнулся юноша. — К слову, наш новоявленный кузен Гэнлань прожил среди смертных всю жизнь. Уж он-то наверняка знает толк в их манерах.

Глаза Не Юньчжуй лукаво блеснули. Он резко развернулся к Гэнланю и отвесил ему шутливый, утрированно вежливый поклон:

— Моё почтение младшему брату Гэнланю.

Образ благородного мужа испарился за секунду. В следующий миг Юньчжуй заговорщицки подмигнул кузену:

— Ну как, братец, похоже получилось? Станешь моим советником? Если я когда-нибудь решу отправиться в мир смертных, с твоей помощью я точно сведу с ума половину местных девиц!

— Кхе-кхе! — подал голос их отец, пытаясь изобразить строгость. — Юньчжуй! Как ты смеешь дерзить дяде? Совсем страх потерял?

Не Юньчжуй шутливо показал Гэнланю кончик языка, с хлопком сложил веер и послушно спрятался за спину отца.

Большинство присутствующих смотрели на выходки этой ветви семьи с неприкрытым раздражением — словно их заставили жевать безвкусную овсяную шелуху.

Все, кроме Не Гэнланя.

Первыми практиками, которых он встретил, были члены семьи его отца — высокомерные, напыщенные эгоисты. Гэнлань думал, что все бессмертные таковы. Но, глядя на дядю и кузенов, он понял, что ошибался.

В его груди разлилось странное, щемящее чувство, прогоняя привычную горечь.

В этот момент в разговор вмешался другой мужчина, недовольно процедив:

— Только и умеете, что устраивать балаган! Перенимать повадки ничтожных смертных — какой позор! Не боитесь, что над нашей семьёй станут потешаться? Это подрывает устои клана Не!

Не Чжуншань лишь усмехнулся:

— Ой ли, третий брат? Путь совершенствования горек и долог. Если не развлекать себя хоть изредка, можно сойти с ума от тоски. К тому же, ты у нас весь такой правильный и суровый, а твой сын до сих пор не сумел направить ци в тело. Мои же Юньчжуй и Юньянь уже достигли средней стадии Очищения ци. И кто из нас после этого лучше воспитывает детей?

— Ах ты!..

— Ну-ну, не кипятись. Я ведь просто констатирую факты. Если ты от моих слов так заводишься, то от чужих пересудов тебя удар хватит.

— Не Чжуншань, закрой рот!

Ссора грозила перерасти в потасовку, но Не Чжунъюань грохнул ладонью по столу:

— Прекратить! Устроили перепалку на глазах у детей! Вам самим не стыдно?

Не Юньянъ и Не Юньчжуй за спиной отца беззвучно прыснули, строя друг другу рожи.

Внезапно Гэнлань почувствовал, как кто-то осторожно потянул его за край плаща. Опустив взгляд, он увидел сияющие глаза Не Юньчжуй, который заговорщицки ему подмигивал.

Гэнлань поспешно отвернулся, пряча смущение. В его душе крепло непривычное, тёплое чувство, укореняясь в сердце вопреки его воле.

В этот момент приятная женщина средних лет в простых лазурных одеждах — четвёртая сестра, Не Чжунинь — мягко улыбнулась:

— Полно вам, братья. Сегодня у нас важные гости. Будет нехорошо, если другие кланы увидят эту семейную сцену.

Второй брат погладил аккуратную бородку и кивнул:

— Четвёртая сестра права.

Не Чжунъюань принял величественный вид:

— Всем приготовиться. Гости вот-вот придут.

Люди начали расходиться. Двойняшки, поравнявшись с Гэнланем, демонстративно громко заговорили, брызжа ядом:

— Надо же, только эти шуты гороховые из второй ветви могли обратить внимание на безродного смертного! То ли дело наш брат Юньчжэнь — истинный благородный наследник великого клана. А эти отбросы ему и в подмётки не годятся!

Не Юньчжэнь мягко улыбнулся, изображая миротворца:

— Юньфэй, не стоит так говорить о втором дяде и его детях.

Не Юньчжуй бесцеремонно увлёк Гэнланя в сторону и заговорил — вроде бы шёпотом, но так, чтобы слышали все вокруг:

— Братец, что не так с этими твоими родственниками? Пищат и суетятся, точь-в-точь глупые цыплята. Только и умеют, что без толку клонуть, а вреда — ноль. Таких одним пальцем прихлопнуть можно...

— Что ты сказал?! — взвизгнули близнецы.

В их руках мгновенно вспыхнули два талисмана с синим пламенем, нацеленные прямо в лицо Юньчжую.

— Жалкие фокусы, — лениво бросил тот.

Лёгким щелчком пальцев он погасил пламя, превратив бумагу в горстку серого пепла.

— Братец, сестрица, я ведь просто рассуждал о цыплятах. Чего вы так разволновались? Верно я говорю, Гэнлань?

Юньчжуй дружески пихнул Гэнланя локтем. Тот лишь безучастно посмотрел на него, промолчав.

Не Юньчжэнь холодно усмехнулся:

— Юньфэй, Юньцин, идёте. Не стоит тратить время на препирательства с ними.

Близнецы гневно зыркнули на обидчиков и поспешили вслед за названным братом.

Не Гэнлань повернулся к Юньчжую и Юньяни и слегка склонил голову, безмолвно выражая благодарность.

Юньчжуй тут же бесцеремонно закинул руку ему на плечо:

— Братец Гэнлань, ты выглядишь как приболевший кот, но всё равно притащился на это собрание. Какое рвение!

— Сам видишь, человеку нездоровится, а ты ещё и виснешь на нём! — шикнула на брата Не Юньянь. — А ну убери грабли, тяжело ведь!

Гэнлань опустил глаза. Понимая, что эти двое не замышляют против него ничего дурного, он позволил себе немного расслабиться и даже не стал сбрасывать чужую руку со своего плеча.

На Собрание Чистых Бесед, помимо хозяев, прибыли представители влиятельных кланов: Син, Чжоу, Сюй и Ван.

— Брат Цзянь!

Син Цзянь только успел сойти на землю с палубы величественной летающей лодки, как вдруг пространство вокруг него едва заметно дрогнуло. Бесшумная белая вспышка, неуловимая для обычного глаза, мгновенно скользнула в его грудь.

В то же мгновение весёлая улыбка сошла с лица юноши. Черты его заострились, взгляд сделался пугающе холодным, а в глубине зрачков вспыхнул злобный ледяной огонёк.

К нему уже бежали трое приятелей.

Один из них, с недовольной миной, сразу принялся жаловаться:

— Терпеть не могу эти сборища! Если бы матушка не оттащила меня за уши, ни за что бы не приехал. Скука смертная!

— Зря ты так, сегодня скучно точно не будет, — хмыкнул красноволосый юноша, вальяжно скрестив руки на груди. — Ждём знатного зрелища. Верно, брат Цзянь?

— Какого ещё зрелища? Что вы скрываете? — засыпал его вопросами недовольный приятель, хватая красноволосого за рукав. — Чжоу Янь, ну не томи, выкладывай! У меня же терпения нет!

Чжоу Янь бесцеремонно отпихнул его:

— Отвяжись, Сюй Чжимин! Как ты ухитрился проспять такую новость? Где твои уши были?

Сюй Чжимин обиженно надулся:

— Меня заставили сидеть под замком за то, что я тайком оборвал плоды ледяного инея в саду старейшины! Откуда мне было знать?

Он перевёл умоляющий взгляд на Син Цзяня и схватил его за руку:

— Брат Цзянь, ну хоть ты расскажи! Вы что, сговорились надо мной издеваться?

Затем он зыркнул на третьего спутника, который робко жался в стороне:

— Ван Мяомяо, только не говори, что ты тоже в курсе! Неужели я один остался в дураках?

Ван Мяомяо испуганно замахал руками:

— Нет-нет, я ничего не знаю, честное слово!

Пока троица шумно препиралась, Син Цзянь хранил гробовое молчание. Его ледяной взгляд медленно опустился на пальцы Сюй Чжимина, судорожно сжимавшие его предплечье.

Этот взгляд был настолько жутким и чужим, что Сюй Чжимин невольно вздрогнул и поспешно отдернул руку.

— Брат... Брат Цзянь, ты чего? Ну не хочешь — не рассказывай, зачем так смотреть-то?..

Син Цзянь ответил глухим, безжизненным голосом:

— Идёмте вовнутрь.

Сюй Чжимин растерянно посмотрел ему вслед, затем повернулся к Чжоу Яню:

— Что это с ним? Он что, объелся ядовитой травы?

Чжоу Янь тоже нахмурился, чувствуя неладное:

— Странно. Вчера, когда мы общались через передатчик звука, он прямо-таки светился от нетерпения. С чего вдруг с утра пораньше напустил на себя такую спесь?

Ван Мяомяо испуганно прошептал:

— Может... в него бес вселился?

Прятели дружно наградили его подзатыльниками:

— Сам ты бес полоумный!

Отбросив лишние думы, они поспешили догнать ушедшего вперёд лидера и вошли на территорию поместья клана Не.

Усадьба кишела слугами и нарядными служанками в шелках. Гости чинно прошествовали в тенистый сад, направляясь к просторной беседке у самой воды.

До начала официальной части Собрании оставалось время. На столах уже были расставлены изысканные яства, наполненные духовной силой фрукты и тончайшие вина.

Чжоу Янь быстро высмотрел в толпе Не Юньчжэня:

— Юньчжэнь!

Сюй Чжимин, уже успевший стащить со стола пирожное ясного сердца и набить им рот, пакостно ухмыльнулся:

— Ну что, молодой господин Не, води нас знакомиться со своим обретённым братцем! Ужасно хочется поглядеть, что за чудо явилось из мира смертных.

Накануне Чжоу Янь по секрету нашептал ему, что сегодня должна состояться помолвка Син Цзяня с тем самым безродным юношей, которого клан Не вернул из мира смертных.

Не Юньчжэнь снисходительно улыбнулся:

— Отчего же нет? Извольте следовать за мной.

Компания молодых людей двинулась в глубь сада, увлекая за собой безмолвного Син Цзяня.

В это время Не Гэнлань стоял в самом уединённом уголке сада. Он взял с подноса полупрозрачное, словно выточенное из чистейшего льда, пирожное ясного сердца и откусил кусочек.

Вкус оказался невероятным: нежное, тающее на языке лакомство оставляло после себя приятную прохладу. Сделав глоток, он почувствовал, как мягкая, живительная энергия плавно потекла по его меридианам, согревая онемевшее после Ледяного массива тело и концентрируясь в даньтяне приятным теплом.

Это действительно было чудодейственное пирожное ясного сердца.

С тех пор как его привезли в поместье семьи Не, Гэнланю подавали лишь самую простую пищу — все лучшие лакомства всегда доставались избалованным близнецам. Сладкое из мира практиков он пробовал впервые, и этот опыт превзошёл все ожидания.

Едва Гэнлань потянулся за вторым пирожным, как тишину его убежища бесцеремонно нарушили. К нему приближалась шумная компания молодых людей, и по их лицам было ясно: они пришли развлечься за его счёт.

Нахмурившись, Гэнлань хотел было уйти. Он специально выбрал самое неприметное место, надеясь избежать лишнего внимания, но его всё равно выследили.

Сюй Чжимин, завидев Гэнланя, на мгновение застыл как вкопанный. Опомнившись, он бесцеремонно преградил ему путь:

— Ого! Куда же ты так торопишься, красавчик?

Не Гэнлань инстинктивно отступил на шаг. В его душе закипела глухая ярость, смешанная с глубоким отвращением. В «Зелёном приюте» пьяные посетители, зажимая в углах молодых наложников, всегда начинали разговор именно с этих слов.

Тем временем Сюй Чжимин и Чжоу Янь бесцеремонно разглядывали юношу.

Не Гэнлань был поразительно красив. Его губы пламенели естественным алым цветом, мягкий овал лица гармонировал с тонкими, безупречными чертами, а кожа светилась чистотой, точно безупречный белый нефрит. В нём не было ни капли духовной силы, но от него невозможно было отвести взгляд.

Не Юньчжэнь ехидно усмехнулся:

— Что, лишились дара речи? Мой новоиспечённый братец действительно не обделён красотой. Но у вас нет ни единого шанса. Сегодня... — он бросил многозначительный взгляд на безмолвного Син Цзяня.

Сюй Чжимин похабно расхохотался и шагнул вплотную к Гэнланю:

— Да ладно тебе, Юньчжэнь, мы всё знаем! Но послушай, брат Цзянь, раз уж перед нами такая редкая птичка из мира смертных, позволь мне хотя бы прикоснуться к нему? Уж больно кожа нежная, так и хочется ущипнуть за щёчку.

— И как только у обычного смертного может быть такая идеальная кожа? Не иначе как ворует у госпожи Шэнь изысканный омолаживающий крем...

Сюй Чжимин тянул к лицу Гэнланя свои липкие пальцы, на его лице застыла глумливая ухмылка.

У Гэнланя похолодели руки. В его глазах вспыхнул опасный, тёмный огонёк. Напряжение достигло предела, он крепко сжал кулаки, готовый нанести удар смертному наглецу, невзирая на последствия.

Но прежде чем чужие пальцы коснулись его щеки, воздух пронзил ледяной, властный голос:

— Сюй Чжимин. Довольно.

Это заговорил Син Цзянь.

Сюй Чжимин недовольно скривился:

— Да брось, брат Цзянь! Я отродясь не видел таких смазливых смертных. Всего одно прикосновение, чисто из любопытства!

И он упрямо протянул руку снова.

Раздался глухой удар, за которым последовал резкий, сухой треск ломающейся кости. Руку Сюй Чжимина вывернуло под неестественным, кошмарным углом. Паршивец зашёлся в диком, истошном крике, валясь на колени от невыносимой боли.

<http://bllate.org/book/20023/1994730>